

(9)

КАНАВНАЯ БРАВАДА

Суд поставил этого одинокого безработного перед выбором: обратиться за помощью или отправиться в тюрьму. Так начался его путь к новому знанию.

Я родился в конце демографического взрыва в одном из крупнейших городов Среднего Запада. Мои родители были небогаты, но упорно трудились, стремясь к реализации великой американской мечты середины 50-х. Папа был полицейским в отставке; он получил юридическое образование и работал в банках, а также в сфере торговли недвижимостью. Мама окончила престижный колледж на Восточном Побережье со специализацией «журналистика» и переехала на запад, чтобы выйти замуж за моего отца и воспитывать детей. Оба они были детьми трудолюбивых европейских иммигрантов.

В детстве мы со старшим братом ходили в церковь по воскресеньям и учились в приходских школах. У нас было вдоволь еды и возможность удовлетворять не только основные человеческие потребности. Я был смышленным ребенком, но озорником и однажды решил, что легче лгать, чем терпеть последствия своих проказ. Папа очень уважал закон и порядок, но не любил лжецов. У нас частенько бывали конфликты. Не считая этого, мое детство было относительно счастливым.

Наконец, мой брат отбыл в колледж, и я начал исследовать мир самостоятельно. Я наслаждался общением с друзьями и нашими многочисленными приключениями. Тогда-то и начались мои первые эксперименты с алкоголем. В пятницу вечером разделить с друзьями несколько банок пива или украденную бутылку – для меня это было признаком зрелости и взрослости. В школе я приобрел репутацию ученика, никогда не старающегося в полную меру своих возможностей.

Я считал, что остальные воспринимают жизнь слишком уж серьезно. Я ощущал себя беспечным любителем повеселиться, а другие видели в этом безответственность и дерзость. Скоро стала проявляться моя бунтарская натура.

В середине шестидесятых мне выпала возможность навеситить своего брата, стипендиата одного калифорнийского университета. То были бурные времена, и пребывание там произвело на меня неизгладимое впечатление. В воздухе витала музыка, на улицах танцевали. Неудивительно, что после возвращения на Средний Запад у меня начались проблемы с дисциплиной. Меня разочаровывали школьные будни, которые казались мне нудными, и мне становилось все труднее концентрироваться. Я жаждал беззаботной жизни. К осени 1968 года, уйдя из трех различных школ, я решил, что с меня достаточно. Итак, я забросил учебники, взял свою гитару, покинул родительский дом и отправился обратно на Западное Побережье, полный юношеского оптимизма, намереваясь устроить свою жизнь по своему вкусу.

Скоро мои скудные сбережения стали истощаться, а работу найти было трудно. Сначала я немного попрошайничал, но оказалось, что я слишком горд для этого – или, что более вероятно, недостаточно голоден. Я начал перебиваться случайными заработками, чтобы добыть себе пропитание; однако выяснилось, что мои навыки выживания не столь отточены, как я думал. В теплую погоду я разбивал лагерь в лесах близ прибрежного шоссе. Тявканье морских львов мешало спать. С приближением зимы я стал скитаться по портовому району и улицам, ночуя в кладовках и убогих отелях либо прибываясь к сезонным сельскохозяйственным рабочим, которые в этот период жили в городе.

То, что начиналось как приключение, превращалось в кошмар. Когда мне удавалось уговорить кого-нибудь угостить меня вином или водкой, это позволяло мне на короткое время убежать от неутешительной реальности.

Под влиянием алкоголя ко мне возвращалась уверенность в себе, избранный путь казался верным, и я строил далеко идущие планы и предавался мечтам о будущем. Пить, чтобы забыться – это стало для меня столь же важным, как есть, чтобы выжить. Вся моя канавная бравада и решимость рухнули, когда я, в конце концов, столкнулся с законом. Власти выслали меня обратно на Средний Запад, куда я прибыл, имея при себе лишь одежду.

По приезду я ошеломил друзей приукрашенными историями о необычных людях и странных происшествиях. Кое-что из этого было правдой. Мы тут же принялись пьянствовать, и я продолжил с того места, на котором остановился. У нас вечно была одна цель – пойти куда-нибудь и «оторваться». Невзирая на то, что порой мне трудно было удержать выпитое в себе, я был полон желания учиться. Я полагал, что секрет успешного питья – тот же, что и в деле обучения музыке: практика, практика и еще раз практика.

После неудачной попытки поступить в колледж я начал искать работу, при этом зачастую мучаясь похмельем. Те должности, на которые меня соглашались принять, я считал лакейскими. Тогда я еще не знал, что любая работа почетна. В моем резюме было указано, что я работал в ремонтных бригадах, на фабриках, в фармацевтической промышленности (опустошив мусорную корзину, я принялся за полки). Однако там не упоминалось о причинах моего увольнения оттуда – о моей вороватости, нерасторопности и прогулах. Я начинал разочаровываться в жизни вообще, не зная, что проблема заключалась во мне самом. Я хотел для себя чего-то лучшего. Но, уяснив, что обретение житейских благ требует определенных усилий, отказывался от них под тем предлогом, что они – не более чем капканы, расставленные обществом. Обеспечивать свое будущее, высматривая вдоль дороги кошелек, полный денег – это было больше на меня похоже.

Несмотря на злоупотребление спиртным, мне удалось накопить немного денег. На свою первую тысячу долларов я купил мотоцикл. Тем самым я обзавелся, скорее, новым стилем жизни, чем транспортным средством. После этого я много лет вел жизнь байкера. Местами дикая и волнующая, она вращалась вокруг конструирования мотоциклов и гонок на них. Правила игры стали такими: едь быстро, торопись жить, умри молодым. Будни я проводил, обходя близлежащие бары, а на выходных посещал клубы в центре, города. С годами круг моих друзей сузился. Кто-то погиб в результате несчастного случая, кого-то убили, кто-то попал за решетку, а у кого-то просто хватило здравого смысла выйти из игры и повзрослеть. Таких людей я не понимал. Новых друзей я не заводил и поэтому все больше превращался в одиночку.

В середине семидесятых я устроился на сталелитейный завод, на высокооплачиваемую работу. Скоро я начал осваивать профессию электрика. Работа была тяжелая, грязная и опасная. Трудились мы посменно, и после своей смены я чувствовал себя так, будто прошел испытание огнем и водой. Первую остановку я делал в питейном заведении на вершине холма, и второй частенько не бывало. Помимо алкоголя, здесь можно было найти и другие вещества, позволяющие расслабиться, и я не чурался ни одного из них. В этом баре у меня был свой счет, и потому, даже если у меня не было денег, я всегда мог зайти сюда и выпить. Другие ребята покупали жилье, воспитывали детей и выполняли другие функции ответственных граждан. У меня же начинало не хватать денег даже на коммунальные платежи и поддержание своей машины на ходу. Тем не менее, я не забывал платить по счету в баре.

Моя жизнь превратилась в погоню за опьянением. После нескольких стаканов я начинал чувствовать себя более нор-

мальным и способным контролировать ситуацию. Из замкнутого одиночки я трансформировался в короля вечеринок. Мои шутки становились смешнее, девушки - красивее, я лучше играл в бильярд, а проигрыватель крутил более приятные мелодии. Я мог смотреть людям в глаза и общаться с лучшими из них.

Время от времени я посещал в колледже курсы, связанные с моей работой. Вращаясь среди нормальных людей, я начинал понимать, насколько одичал. Мой заботливо возвращаемый индивидуализм перерастал в изоляционизм. Мне становилось все беспокойнее, потому что я ощущал себя вовлеченным в какой-то порочный круг. У меня не было друзей – только знакомые. Этот факт подтверждали дырки от пуль в моей машине – подарок одного знакомого, которого я надул. Утешение я находил только в бутылке, и та начинала подводить меня. Я уже давно перестал мечтать, не знал, в каком направлении двигаться, потерял всю свою уверенность. Алкоголь уже не возвращал мне все это, как бывало раньше. Личная гигиена стала для меня предметом второстепенным. Бывали периоды, когда я пытался жить без спиртного, но это было трудно, и зачастую я срывался в самое неподходящее время. Я заранее приводил себя в норму для особых случаев, таких как праздники, похороны, собеседования, судебные заседания, но в последний момент терпел неудачу, так как снова припадал к бутылке. Запланированное воздержание было для меня сильнейшим стрессом.

Я все быстрее катился в пропасть. На моем счету было столько автомобильных аварий и нарушений правил дорожного движения, что полицейские только диву давались. Заключая страховой договор, я выбирал категорию повышенного риска. Я стал более трусливым и теперь вел себя не так вызывающе. Несмотря на то, что много лет преступле-

ние законов было для меня обычным делом, мне, по большей части, удавалось избежать крупных неприятностей. Несколько раз меня чуть не прижали к стенке, но я успешно хитрил с терминологией или выпрашивал еще один шанс. В конце концов, меня стали преследовать последствия одного давнего неосторожного поступка. Меня ожидало вынужденное столкновение с федеральной судебной системой. Я начинал ощущать себя клоуном, жонглирующим слишком большим количеством шариков. Каждый из них представлял собой проблему, которую я держал в подвешенном состоянии. У меня устали руки, и я знал, что долго не протяну, но сдаваться не собирался. Моя гордость и эго этого бы не позволили. Начальство, судьи, коллеги, законники, штрафы, счета в барах, ростовщики, коммунальные платежи, квартирные хозяева, моя подружка, обведенные мной вокруг пальца люди – все это я рассматривал как источник своих неприятностей, упуская из вида основную проблему: себя и свое пьянство. Я уже давно испытывал отчаянное желание сойти с этой безумной карусели, но не имел понятия, как это сделать.

Однако у судьи были по этому поводу кое-какие мысли. Меня посадили под домашний арест, установили камеры слежения, вели строгий надзор и брали мочу на анализ. При этом мне угрожало пять лет в исправительном учреждении. Я продолжал свои попытки перехитрить власти, пока им не стало ясно, что я неспособен соблюдать условия испытательного срока. Неважно, какими могли быть последствия – я просто не мог не пить и уже даже и не пытался. Когда меня в итоге призвали к ответу, суд поставил меня перед выбором: обратиться за помощью или сесть в тюрьму. Тщательно все взвесив, я выбрал первое. Затем меня спросили, желаю ли я, чтобы власти отправили меня куда-нибудь на лечение, или же я сам найду такое место. Я выбрал вторую

альтернативу, и мне дали неделю на решение организационных вопросов. Но, поскольку я тянул до последнего, у меня на это ушло целых три. Именно в этот момент, полный отчаяния, загнанный в угол, павший как никогда низко, я в очередной раз произнес единственную молитву, которую еще знал: «Боже, помоги мне; если ты на этот раз выручишь меня, я больше никогда не буду так поступать». Моя жизнь, наконец, стала мне неподконтрольна.

Я уже не был королем вечеринок. Я был разорен, задолжал за жилье. В раковине у меня была гора грязной посуды, на плите – заплесневелые кастрюли. Туалет не работал, у двери стояли в ряд мешки с мусором и пустые бутылки. На полу были кучи украденного барахла. Я очень давно не менял одежду и, кроме макарон с сыром из коробки или пирога, ничего не ел. Когда в дверь стучали, я бросался в ванную и выглядывал в окно, чтобы увидеть, кто пришел. Не пить – это был для меня не вариант, но и спиртное не помогало. Таким было мое состояние, когда в день платы за квартиру я покинул ее, чтобы провести это время в больнице.

Я был сильно пьян и потому слабо помню, как меня туда принимали – не считая того, что я ужасно нервничал. Но через несколько часов я почувствовал себя в большей безопасности. Мало-помалу я начал испытывать облегчение. Может, они все-таки мне помогут? Но я и не представлял, насколько мне будет плохо. Из тех семнадцати дней, что я там провел, пять были настоящим адом. У меня не было сил почти ни на что, кроме лежания в постели. Я уже много лет не был трезв так долго. Через неделю мне стало лучше, и я принялся исследовать окрестности и, в свою очередь, начал обследовать персонал больницы. И я обнаружил, что врачи и медсестры – знающие люди и профессионалы, но я ощущал, что свои обширные знания об алкоголизме они почерпнули из книг, а не из жизни. Я же не нуждался в знани-

ях. Мне нужно было решение моей проблемы. Никто, кроме потерявших надежду, не знает, каково это - существовать без нее. Во мне проснулся скептик, ищущий любые лазейки и оправдания, чтобы разнести все надежды в пух и прах и отвлечь внимание от моего плачевного состояния. Мой первоначальный оптимизм несколько пошатнулся. Неужели это и все, что мне здесь предложат?

Однако среди персонала был один мужчина, который отличался от других. Он держался очень спокойно и непринужденно, и в его глазах мелькала искра понимания. Было ясно, что этот парень не важничает, как остальные. Когда он поведал мне свою историю, я был удивлен, обнаружив, что она очень схожа с моей – с той разницей, что он не делал из нее тайны. Он упомянул о своем членстве в Сообществе Анонимных Алкоголиков. Как же так получилось, что, прожив жизнь уголовника, он теперь пользуется явным уважением коллег? Как же ему, во многом похожему на меня, удалось вернуться к нормальной жизни? Передо мной был человек трезвый, но спокойный; скромный, но твердых убеждений; серьезный, но не лишенный чувства юмора. С таким я мог общаться и, может быть, даже доверять ему. Возможно, он спас мне жизнь одним своим присутствием в той больнице, но до сих пор даже не знает об этом.

В последующие несколько дней я все еще был неразговорчив, но внимательно слушал и смотрел. Я узнал больше о деятельности АА и познакомился с другими членами этого Сообщества. Я выяснил, что, отправляясь домой, они не оставляют свою программу в больнице, а берут с собой, так как она для них – образ жизни. Оказалось, что она основана на духовности, а не на религии. Я видел, что эти люди получают удовольствие от жизни. Все они были одного мнения: если я хочу, как и они, изменить свою жизнь, то смогу, если буду готов, делать то же, что и они. И я увлекся их идеями. Подумать только

— они пришли ко мне, отбросу общества, и предложили присоединиться к ним! Я начал думать, что, если я вообще собираюсь попробовать что-то новое, то лучше прямо сейчас. Вдруг это мой последний шанс? В конце концов, мне все еще предстояло уладить вопрос с властями, и я ничего не терял, соглашаясь подыграть. Поэтому я принялся читать их литературу, работать по Шагам и (закрыв дверь и выключив свет) следовать их совету — просить у Высшей Силы немного помощи. Наконец, мне настоятельно рекомендовали посещать собрания — особенно в первый вечер после выписки из больницы.

И вот одним солнечным днем я вышел оттуда. Я намеревался вечером отправиться на собрание, однако у меня была и альтернатива — десять долларов в кармане и повод отпраздновать. Я был трезв уже двадцать два дня и очень гордился собой. Скоро мной начали завладевать прежние инстинкты. Солнечный денек. Десять «баксов». Праздник. Хорошее самочувствие. И, не успев даже осознать, что я делаю, я уже входил в заднюю дверь одной из своих излюбленных забегаловок. Внутри мне сразу же ударил в нос запах спиртного, и у меня потекли слюнки. Я присел и сделал обычный заказ. Но внезапно подумал — неужели я не смогу один день обойтись без выпивки? И понял, что, если ставить вопрос таким образом, то я, вероятно, смогу прожить один день трезвым. Кроме того, я ведь собирался вечером на собрание, и кто знает — может, у них там берут пробы на алкоголь. Итак, я положил на стойку доллар, встал со стула и направился к выходу. В самом деле, я могу выпить и завтра, если захочу, и именно это я и планировал сделать.

В тот вечер люди, присутствовавшие на моем первом собрании, выполнили свою обязанность — оказали мне радушный прием. Там я нашел себе подобных, и это было прекрасно. Может, это и есть настоящий выход? Я пришел на еще одно собрание и испытал то же самое. Потом — еще на

одно. Завтрашние дни наступали и проходили, и по сей день мне не было необходимости пить. А ведь это было более шести лет назад.

Собрания АА дали мне то, что мой спонсор любит называть чуть ли не самыми важными в Большой Книге словами: АА привнесли в мою жизнь «мы». «Мы признали свое бессилие перед алкоголем...» Мне больше не нужно было быть одному. Товарищество и активность заставили меня проходить на собрания достаточно долго, чтобы проработать Двенадцать Шагов. И чем дальше я продвигался в этом деле, тем лучше себя чувствовал. Я начал водиться со своим спонсором и другими активистами Сообщества. Они продемонстрировали мне, что благодарность – это то, что проявляется на деле, а не на словах. Они отметили, что мне повезло, что у меня осталась машина, пусть даже и развалюха, и порекомендовали мне поразмыслить над тем, чтобы возить на собрания менее удачливых. Они напомнили мне, что всезнайка невозможно ничему научить, и посоветовали оставаться открытым для обучения. Когда прежние модели поведения начинали прокладывать себе дорогу обратно в мою жизнь, они указывали мне на это. Когда мне казалось, что дела мои идут не так, они говорили, что следует развивать в себе веру и полагаться на свою Высшую Силу. Они сказали, что моя дилемма заключается в недостатке силы, но решение есть. Я ухватился за АА и по-детски поверил, что, если усмирю свою гордость в достаточной степени, чтобы следовать их путем до конца, то получу то, чем владеют они. И это сработало. Начиная ходить на собрания, я просто хотел уйти от преследования властей. Я не мог и вообразить, что эта программа изменит все течение моей жизни и покажет мне дорогу к свободе и счастью.

Однако я оставался крайне нетерпеливым и хотел всего и сразу. Поэтому мне был так понятен смысл истории о по-

льном энтузиазма новичке и ветеране. Когда этот новичок подошел к ветерану и сказал, что завидует его достижениям и большому стажу трезвости, ветеран ударил кулаком по ладони и воскликнул: «Меняемся! Мои тридцать лет на твои тридцать дней - хоть сейчас!» Ему было известно то, что новичку еще предстояло уяснить: истинное счастье - в путешествии, а не в пункте назначения.

Сегодня я живу гораздо лучше, как и обещали Анонимные Алкоголики, и знаю, что они правы, когда говорят, что дальше будет еще лучше. По мере развития и созревания моей духовности стабильно улучшаются и внешние обстоятельства. Невозможно описать словами те чувства, которые порой овладевают моей душой, когда я размышляю о том, как сильно изменилась моя жизнь, как далеко я продвинулся и сколько мне еще предстоит открыть. И, хотя я не уверен, куда меня заведет моя дорога, я знаю, что буду обязан этим милосердию Бога и трем словам Двенадцати Шагов: «продолжай», «совершенствуйся» и «практикуй».

О, вот что еще мне говорили: смирение – это ключ.